

II. ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 947 (571.1)

И.В. Курышев

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ И БАНДИТИЗМА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НАЧАЛО 1920-х гг.)

Рассматривается проблема преступности и уголовного бандитизма на территории Западной Сибири в начале 1920-х гг. Характеризуется в целом криминогенная ситуация, выявлены различные формы уголовно-бандитских акций как со стороны участников повстанческого движения 1921 г., так и представителей региональной власти, правоохранительных органов. Автор приходит к выводу, что развитие преступности и бандитизма в первой половине 1920-х гг. в значительной мере предопределялось слабостью, неорганизованностью региональных властных структур, политического режима на местах.

Ключевые слова: преступность, бандитизм, криминогенная ситуация, судебно-следственный аппарат.

Исследование проблем бандитизма и преступности начала 1920-х гг. в эпоху нравственного релятивизма и, соответственно, роста социальных девиаций в современной России приобретает особую актуальность. Однако касаясь историографии вопроса, нельзя не сказать, что работы, посвященные изучению повседневной жизни (в том числе различных форм девиантного и делинквентного поведения) на завершающем этапе Гражданской войны в Сибири, носят в целом единичный характер, находятся в стадии становления [1–9]. Преступность, подобно зеркалу, отражает отрицательные черты социокультурного, бытового уклада жизни населения, характеризует деформации в морально-правовой и нравственной сферах общества. Ускоренное развитие капитализма и наслаивавшиеся друг на друга социальные конфликты, бурные социальные потрясения в России первой четверти XX в. (революция, мировая и гражданская войны) привели к расщеплению традиционных общественных структур и дезориентации поведения людских масс.

Революционная стихия 1917 г., в свою очередь, сопровождалась стремительным распространением массовой преступности в силу слома государственного аппарата, стихийной амнистии уголовных преступников, ухудшения жизненных условий и социальной алкоголизации населения, возвращения домой озлобленных и вооруженных солдат. Гражданская война обусловила дальнейшую криминализацию общества, возрастание преступлений против личности и порядка управления, в том числе убийства и вооруженные грабежи. 1920–1922 гг., с их взрывом крестьянского недовольства продовольственной политикой Советской власти, повстанческим движением, вспле-

ском уголовного и политического бандитизма, массовыми эпидемиями тифа и холеры, небывалым голодом, были особенно драматичным периодом для Западной Сибири.

В докладе секретного отдела ВЧК о повстанческом движении от 11 декабря 1920 г. следующим образом характеризовалось происхождение бандитизма: «Голод, продовольственные неурядицы, промышленная разруха, безтоварье, близость фронтов, дезертирство, подлая работа наших врагов, – вот почва, на которой бандитизм пустил свои корни» [10. Т. 1. С. 363–364]. В качестве основных социальных группировок, составных элементов бандитизма определялись такие: 1) уголовно-разбойничий элемент; 2) белогвардейские офицеры, старочиновно-полицейский элемент; 3) дезертиры (зеленоармейцы); 4) феодальная и родовая, патриархальная плутократия инородческих наций; 5) кулачество, казачество, сибирские чалдоны и вообще зажиточные крестьяне. Заметим, что развитие преступности и бандитизма в первой половине 1920-х гг. в значительной мере предопределяли слабость региональных властных структур и политического режима, несогласованность, а нередко и разнонаправленность действий государственных учреждений еще не окрепшей Советской власти, а также всевозможные злоупотребления ее представителей на местах. Так, в информационной сводке секретного отдела ВЧК по Тюменской губернии за 1–15 июля 1920 г. отмечалось, что основные причины недовольства Советской властью связаны с выполнением продразверсток, трудовой и гужевой повинностей, причем недовольство властью усугубляется несогласованностью действий советских органов, которые отличаются противоречивым характером [10. Т. 1. С. 296].

Вообще, наиболее напряженные отношения у местных судебно-следственных органов сложились именно с сотрудниками продовольственных органов, нередко подталкивавшими своими преступными, незаконными действиями крестьян к открытому вооруженному протесту против Советской власти. Так, в протоколе частного совещания народных судей и следователей Ишимского уезда от 18 марта 1921 г. подчеркивалось, что борьба с продработниками была особенно трудной, поскольку те, пользуясь лозунгом продовольственной диктатуры, совершали неопишутые незакония, а когда представители судебных органов на местах пытались пресечь их преступления, то сами оказывались арестованными [11. Л. 4об]. Случаи грабежей вещей и продовольствия у населения продотрядами выявились в целом ряде уездов Тюменской, Томской, Алтайской губерний, что отмечалось, например, в отчете Боборыкинского волисполкома Томскому уисполкому за февраль 1921 г. [12. Л. 79]. Атмосферу правового беспредела, несомненно, усугубляли плохое состояние судебно-следственного аппарата, низкий культурный уровень, пьянство, служебные злоупотребления сотрудников уездной милиции. Народными судьями отмечались факты пьянства, насилия и истязания сотрудниками милиции мирного населения, причем эти преступления отягощались ложными обвинениями граждан с целью скрыть и оправдать свои преступления по должности [11. Л. 5об.]. На службу в милицию шли, как правило, выходцы из крестьянской бедноты, а также бывшие дезертиры колчаковской армии, что не могло не повлиять на их последующую деятельность [13. Л. 3].

Приказы и служебная переписка по управлению аппаратом уездной рабоче-крестьянской советской милиции свидетельствуют о том, насколько трудной являлась проблема нарушений законности внутри нее самой, выражавшаяся, в частности, в отказе гражданам в содействии по пресечению преступлений, сокрытии уголовных преступников, пьянстве, спекуляции, незаконных обысках и прочем. Нередко на местах, особенно в отдаленных волостях, отмечались грубый произвол и беззаконие со стороны руководящих партийных, советских работников и милиции, в частности, факты самовольных обысков, арестов, взяточничества, пьянства и грубого отношения к бедноте [14. С. 184–185]. Так, сотрудники Мариинской уездной милиции Калиняк-Гричановский, Набойченко, Бедрин, Пучков, Ведяшкин, Дмитриев, Овчаров в ночь на 7 июня 1921 г. в деревне Константиновке Суловской волости Мариинского уезда убили

священника Шевелева и его жену, а их имущество тайно разделили между собой [15. Л. 364–367]. В донесении Мариинского политбюро за сентябрь 1921 г. сообщалось, что милицией Тисульской волости совершен ряд убийств и других незаконных действий с целью грабежа [15. Л. 191]. Насилия, реквизиции имущества, глумление, грубый произвол по отношению к поддерживавшему повстанцев крестьянскому населению происходили также при подавлении очагов повстанческого движения в 1921 г. коммунистическими и чоновскими отрядами, красноармейскими частями. Так, красноармейцы 29-го кавалерийского полка произвели незаконную конфискацию имущества, скота у крестьян села Малаховского Ишимского уезда [16. Л. 32]. В целом же красный бандитизм со стороны воинских частей, отрядов ЧОН ярко проявился в Горном Алтае [6. С. 77, 113].

Особую тревогу у некоторых наиболее принципиальных, честных коммунистов вызывало то обстоятельство, что воинскими частями, коммунистическими ячейками и отрядами без суда и следствия производились расстрелы лиц, заподозренных в бандитизме, на местах систематически совершались убийства участников восстаний, зачастую сводились личные счеты. Так, один из бывших руководителей партизанского движения в Томской губернии в период колчаковщины К.Б. Цибульский писал в ноябре 1921 г.: «Убедившись фактами сам на местах, говорю определенно: многих сделали бандитами сами в некоторых деревнях комячейки или наши военные отряды, посылаемые в деревни или по разверстке, или ликвидации какой-либо маленькой шайки (поимки таковой)... Большинство загнано из-за личных счетов на местах. Власть имущие этим пользуются» [17. Л. 300]. Народный следователь одного из наиболее неблагополучных по уровню преступности 4-го участка Ишимского уезда Таскаев в докладе от 23 декабря 1921 г. в уездное бюро юстиции указывал на то, что действия воинских отрядов, расквартированных в южном районе Ишимского уезда, недопустимы, считая, что «самосуд ... только разжигает страсть и увеличивает наших врагов» [18. Л. 3 об.].

Следует отметить, что жестокое подавление восстаний, репрессии по отношению к повстанцам во многом были обусловлены чувством мести, проистекали из самого хода крестьянского движения 1920–1921 гг., характерными чертами которого являлись ярко выраженное деструктивное поведение, лютая ненависть, изощренный террор мятежников по отношению к коммунистам, продовольственным работникам, милиционерам, чле-

нам волисполкомов. В феврале 1921 г. в Ишимском уезде повстанцы, например, подвергли кровавому погрому коммуны «Заря», созданную вскоре после освобождения этого района 30-й дивизией РККА от остатков колчаковской армии. По воспоминаниям местного старожилы Н.Я. Швецова, в слепой ненависти, решив покончить с легендарной коммуной «Заря», повстанцы зверски убили 144 коммунара, причем тела обреченных жертв, проложенные рядами бревен, были ими сожжены.

Под влиянием ухудшения экономического положения в годы нэпа значительной части сельских коммунистов и советских работников, голода, стремления свести личные счета в уездах стихийно совершались вооруженные грабежи и кражи, в большинстве своем должностными лицами и членами РКП(б). Так, в начале 1922 г. народные судьи обращали внимание уездных бюро юстиции на то, что со стороны советских учреждений в лице исполкомов совершались самосуды, несанкционированные расправы и убийства. Например, в Рынковской волости Ишимского уезда по указанию председателя волисполкома Здорнова был расстрелян неизвестный мальчик 15 лет, имевший до расстрела при себе несколько миллионов рублей денег [18. Л. 34, 48об.]. В ходе следствия в отношении Здорнова было получено множество достоверных материалов по обвинению его в хищениях, самовольных конфискациях, хранении печати, шкурничестве, агитации против уплаты продовольственного налога. По этому же поводу народный следователь 4-го участка (Петуховская волость Ишимского уезда) 17 мая 1922 г. отмечал следующее: «За последние три месяца большая часть работы мною уделялась на борьбу с принявшими стихийный характер грабежами и вооруженными кражами, так как в большинстве грабежей и краж участвовали должностные лица и члены РКП, приходилось принимать самые крайние меры, иногда отступая от буквы закона, пресекать в корне развивающийся бандитизм. Возложить эту работу на милицию, за ее малочисленностью, возможным не представлялось... Население в связи с беспощадной ликвидацией грабежей вздохнуло свободнее и, кроме благодарности за борьбу, мы ничего не видим. Немалый тормоз в работе создают некоторые партийные организации, главным образом, сельячейки, которые в связи с арестом замешанных в кражах членов РКП комбинируют всевозможные кляузы, содействуют сокрытию следов преступления и зачастую содействуют преступникам скрыться от следствия и суда (пример: Долговская, Каменская волости)» [18.

Л. 53–53об.]. В госинформсводке ВЧК по Омской губернии за 21 января 1922 г. отмечалось, что коммунисты объясняют свое участие в уголовных бандитских шайках недовольством новой экономической политикой, желанием грабить буржуазию в пользу рабочих [10. Т. 1. С. 565].

Криминогенная ситуация существенно усложнялась длительным существованием после подавления массового повстанческого движения мелких уголовно-грабительских шайк, совершавших налеты на сельские поселения вплоть до 1924 г. с целью совершения жестоких убийств местных коммунистов, советских работников и членов их семей, сотрудников милиции, грабежей имущества. Так, в Ишимском уезде 8 ноября 1921 г. одним из деморализовавшихся повстанческих отрядов было ограблено Кротовское почтовое отделение, похищено денег около 300000 рублей [19. Л. 23]. В Мариинском уезде 27 мая 1922 г. банда под общим командованием Соловьева заняла деревню Ивановку (100 верст юго-восточнее Мариинска), после чего, убив трех коммунистов и награбив сто пудов хлеба, отступила в тайгу на взятых у крестьян лошадях [20. Л. 30–31].

Количество краж и убийств особенно увеличилось в первой половине 1922 г. ввиду сильного голода. На юге Ишимского уезда, в частности, из-за голода появились мелкие уголовно-грабительские шайки [21. Л. 79]. Только за июль этого года по Ишимскому уезду было зафиксировано 260 краж (из них крупных – 50, без взлома – 33, остальные – мелкие), 7 убийств, самоубийства на почве голода [22. Л. 183]. В отдаленных волостях крестьяне в целях обуздания воровства, конокрадства вынуждены были прибегать к самосудам в силу попустительства и прямых злоупотреблений милиции. Весной 1922 г. в южной части Кузнецкого уезда усилилось бандитское движение [20. Л. 30–31]. Особенной остротой отличалась ситуация в приграничных с Киргизским краем (Казахской АССР) районах, где процветали вооруженные грабежи, мародерство со стороны местных властей, кражи лошадей и скота группами казахов. Уездные правоохранительные органы во многом были бессильны бороться с этим злом, прежде всего, в силу отсутствия необходимого оперативного взаимодействия между региональными властями двух различных административно-территориальных субъектов. «Что же касается замеченных в краже киргиз принятого мной участка, – общал 2 октября 1922 г. народный следователь 4-го района Ишимского уезда, – то такие все отпущены и в настоящее время находятся в Петропавловском уезде, где об аресте по-

следних неоднократно писали отношения, но это остается лишь на бумаге, а также видны некоторые увертки местных властей и бездействие милиции, которая идет открыто навстречу преступлениям...» [23. Л. 35об.].

Постепенно, в связи со стабилизацией деятельности уголовно-административного аппарата и укреплением Советской власти на местах, особенно во второй половине 1920-х гг., развитие преступности приостановилось, особенно в таких формах, как конокрадство, уголовный бандитизм, преступления против порядка управления, однако при этом наблюдался рост хулиганства, поджогов, самогонварения, имущественных и должностных преступлений, самовольных порубок леса, а также изнасилований женщин [24. Л. 23; 25. Л. 10]. Довольно высоким до конца 1920-х гг. оставалось и количество убийств. Дальнейшее снижение темпов преступности происходит в связи с прекращением новой экономической политики и, главное, усилением в СССР к середине 1930-х гг. репрессивного аппарата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кучемко Н.М.* Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы нэпа (1921–1923). Новосибирск, 1981.
2. *Революция и человек: социально-психологический аспект.* М., 1996; *Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль.* М., 1997.
3. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
4. *Шишкин В.И.* Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. С. 3–79.
5. *Шишкин В.И.* Ишимский судебный процесс (22–28 февраля 1921 г.) // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.). Ишим, 2006. С. 233–252.
6. *Угроватов А.П.* Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.). Новосибирск, 1999.
7. *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
8. *Панин С.Е.* Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002.
9. *Шекшеев А.П.* Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006.
10. *Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939.* Документы и материалы: В 4 т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. Т. 1. 1918–1922 гг.
11. *Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в городе Ишиме (ГУТО ГА в г. Ишиме).* Ф. 80. Оп. 1. Д. 13.
12. *Государственный архив Томской области (ГАТО).* Ф. р.-202. Оп. 1. Д. 236.
13. *ГАТО.* Ф. 18. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.
14. *Из истории земли Томской. 1917–1921.* Народ и власть: Сб. док. и мат-лов. Томск, 1997.
15. *ГАТО.* Ф. р.-236. Оп. 2. Д. 100.
16. *ГУТО ГА в г. Ишиме.* Ф. 18 сч. Оп. 4. Д. 5.
17. *Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО).* Ф. 1. Оп. 1. Д. 55.
18. *ГУТО ГА в г. Ишиме.* Ф. 80. Оп. 1. Д. 15.
19. *ГУТО ГА в г. Ишиме.* Ф. 18. Оп. 1. Д. 150.
20. *ГАТО.* Ф. р.-579. Оп. 2. Д. 128.
21. *ГУТО ГА в г. Ишиме.* Ф. 755. Оп. 1. Д. 4.
22. *ГУТО ГА в г. Ишиме.* Ф. 2. Оп. 1. Д. 133.
23. *ГУТО ГА в г. Ишиме.* Ф. 80. Оп. 1. Д. 27.
24. *ГУТО ГА в г. Ишиме.* Ф. 140. Оп. 1. Д. 12.
25. *ГУТО ГА в г. Ишиме.* Ф. 140. Оп. 1. Д. 155.